GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860
DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ 03.20

CC BY NC ND

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-179-201

Social Aspects of Soviet Modernization in Kazakhstan: The Role of Housing Policy (1920s-1980s)

A. Kapayeva[a]✉, **S. Asanova**[a]
[a]*Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan Almaty, Kazakhstan*
✉*kapaeva.59@mail.ru*

Abstract. The article offers a comprehensive analysis of housing policy as a key mechanism of social modernization in Kazakhstan during the 1920s–1980s, examining it within the broader context of the formation of the Soviet model of social order. The study focuses on the transformation of housing conditions, settlement patterns, and principles of housing allocation, which functioned not only as social measures aimed at improving living standards but also as instruments of state regulation, control, and integration of the population into the Soviet socioeconomic system. The authors argue that housing policy was one of the most effective channels for shaping a new social structure, since access to housing–its type, quality, and location–determined opportunities for professional advancement, the degree of inclusion in the urban environment, and participation in industrial production processes. The article identifies several stages in the development of housing policy. The municipalization of the housing stock marked the 1920s, the redistribution of prerevolutionary urban spaces, and attempts to construct a new model of "socialist everyday life." In the 1930s–1950s, a centralized system of state housing distribution emerged, closely linked to industrialization, migration flows, and the development of new industrial centers in Kazakhstan. Particular attention is given to the Khruschev modernization of the 1950s–1960s, when mass housing construction became a major instrument of accelerated urbanization and social mobility, enabling a significant portion of the population to move from barracks and adobe dwellings to standardized apartments. In the subsequent decades, housing policy continued to serve as an important regulator of social stratification, although resource shortages, regional disparities, and growing waiting lists for housing constrained its effectiveness. The methodological framework of the study includes the analysis of legal acts, statistical data, and archival materials, as well as the use of historical-comparative and problemchronological approaches. This comprehensive methodology makes it possible to identify both all-Union trends and regional specificities shaped by levels of industrialization, ethnodemographic dynamics, and settlement patterns in Kazakhstan. The study demonstrates that housing policy contributed to the formation of new models of everyday life, changes in family structures, the consolidation of Soviet identity, and the emergence of a distinct urban culture. The conclusion substantiates that housing policy in Kazakhstan was a crucial component of Soviet modernization, combining the functions of resource redistribution, social integration, disciplinary control, and the construction of a new social order. It not only defined material living conditions but also served as an instrument for shaping Soviet society, influencing social mobility, labor structures, and the nature of state–society relations.

Keywords: housing policy; distribution mechanisms; regional features; housing standards; housing shortage; housing construction cooperatives

For citation: Kapayeva A., Asanova S. Social Aspects of Soviet Modernization in Kazakhstan: The Role of Housing Policy (1920s-1980s). *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.155, no.2, pp.179-201. *https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-179-201*

Funding. The article was prepared within the framework of the research project GF AP23490001 "Social Policy in Kazakhstan in Historical Dynamics: The 1920s-1980s."

© A. Kapayeva, S. Asanova

Қазақстандағы кеңестік модернизацияның әлеуметтік аспектілері: тұрғын үй саясатының рөлі (1920-1980 жж.)

А. Қапаева[a], С. Асанова[a]

[a]Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Мақала 1920-1980 жж. Қазақстандағы әлеуметтік модернизацияның негізгі тетіктерінің бірі ретінде тұрғын үй саясатын кешенді талдауға арналған. Зерттеу кеңестік әлеуметтік тәртіп моделінің қалыптасу үдерісімен өзара байланыста тұрғын үй жағдайларының, қоныстану формаларының және тұрғын үй қорын бөлу қағидаттарының трансформациясын қарастырады. Авторлар тұрғын үй саясаты өмір сүру сапасын жақсартуға бағытталған әлеуметтік шара ғана емес, сонымен қатар мемлекеттік реттеу, бақылау және халықты кеңестік әлеуметтік-экономикалық қатынастар жүйесіне интеграциялау құралы болғанын негіздейді. Тұрғын үйге қолжетімділік, оның түрі, сапасы мен орналасуы кәсіби өсу мүмкіндіктерін, қалалық ортаға кірігу деңгейін және индустриялық-өндірістік үдерістерге қатысу дәрежесін айқындағандықтан, тұрғын үй саясаты жаңа әлеуметтік құрылымды қалыптастырудың ең пәрменді арналарының бірі ретінде қарастырылады. Зерттеуде тұрғын үй саясатының бірнеше даму кезеңдері айқындалады. 1920 жж. кезеңі тұрғын үй қорының муниципализациясымен, дореволюциялық қалалық кеңістіктерді қайта бөлумен және "социалистік тұрмыстың" жаңа моделін құру әрекеттерімен сипатталады. 1930–1950 жж. Қазақстандағы индустрияландыру, көші-қон үдерістері және жаңа өнеркәсіптік орталықтардың қалыптасуымен тығыз байланысты тұрғын үйді мемлекеттік бөлу жүйесінің орталықтандырылған моделі қалыптасты. 1950–1960 жж. хрущёвтік модернизация кезеңінде жаппай тұрғын үй құрылысы жедел урбанизация мен әлеуметтік мобильділіктің маңызды құралына айналып, халықтың елеулі бөлігінің барактар мен саман үйлерден стандартты пәтерлерге көшуін қамтамасыз етті. Кейінгі онжылдықтарда тұрғын үй саясаты әлеуметтік стратификацияны реттеудің маңызды тетігі болып қала берді, алайда оның тиімділігі ресурстар тапшылығы, өңірлік теңсіздіктер және тұрғын үй кезектерінің өсуімен шектелді. Зерттеудің әдіснамалық негізін нормативтік-құқықтық актілерді, статистикалық деректерді, мұрағат материалдарын талдау, сондай-ақ тарихи-салыстырмалы және проблемалық-хронологиялық тәсілдер құрайды. Мұндай кешенді әдіс жалпыодақтық үрдістерді де, индустрияландыру деңгейі, этнодемографиялық өзгерістер және қоныстану ерекшеліктерімен айқындалған өңірлік ерекшеліктерді де анықтауға мүмкіндік береді. Тұрғын үй саясаты күнделікті өмірдің жаңа үлгілерін қалыптастыруға, отбасылық құрылымдардың өзгеруіне, кеңестік идентичтіліктің орнығуына және ерекше қалалық мәдениеттің пайда болуына ықпал еткені көрсетіледі. Қорытындыда тұрғын үй саясаты Қазақстандағы кеңестік модернизацияның маңызды элементі болғаны дәлелденеді. Ол ресурстарды қайта бөлу, әлеуметтік интеграция, тәртіптік бақылау және жаңа әлеуметтік тәртіпті қалыптастыру функцияларын біріктірді. Тұрғын үй саясаты тек материалдық өмір жағдайларын айқындап қана қоймай, әлеуметтік мобильділікке, еңбек құрылымына және мемлекет пен халық арасындағы өзара қатынастар сипатына ықпал еткен кеңестік қоғамды конструирлеу құралы ретінде қарастырылады.

Түйін сөздер: тұрғын үй саясаты; бөлу тетіктері; аймақтық ерекшеліктер; тұрғын үй нормасы; тұрғын үй тапшылығы; тұрғын үй-құрылыс кооперативтері

Социальные аспекты советской модернизации в Казахстане: роль жилищной политики (1920-1980-е гг.)

А. Қапаева[a], С. Асанова[a]

[a]Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу жилищной политики как ключевого механизма социальной модернизации в Казахстане в 1920-1980е гг., рассматриваемой в контексте формирования советской модели социального порядка. В центре внимания находится трансформация жилищных условий, форм расселения и принципов распределения жилого фонда, которые выступали не только как социальные меры, направленные на улучшение качества жизни, но и как инструменты государственного регулирования, контроля и интеграции населения в советскую систему социально-экономических отношений. Авторы исходят из положения, что жилищная политика являлась одним из наиболее действенных каналов формирования новой социальной структуры, поскольку доступ к жилью, его тип, качество и место расположения определяли возможности профессионального роста, уровень включённости в городскую среду и степень участия в индустриально-производственных процессах. В исследовании выделяется несколько этапов развития жилищной политики. Период 1920-х гг. характеризуется муниципализацией жилого фонда, перераспределением дореволюционных городских пространств и попытками создания новой модели "социалистического быта". В 1930–1950-е гг. формируется централизованная система государственного распределения жилья, тесно связанная с индустриализацией, миграционными потоками и развитием новых промышленных центров Казахстана. Особое внимание уделяется хрущёвской модернизации 1950–1960-х гг., когда массовое жилищное строительство стало инструментом ускоренной урбанизации и социальной мобильности, обеспечив переход значительной части населения от бараков и саманных построек к стандартным квартирам. В последующие десятилетия жилищная политика сохраняла роль важного регулятора социальной стратификации, хотя её эффективность ограничивалась дефицитом ресурсов, региональными диспропорциями и ростом очередей на жильё. Методологическая основа исследования включает анализ нормативно-правовых актов, статистических данных, архивных материалов, а также использование историко-сравнительного и проблемно-хронологического подходов. Такой комплексный метод позволяет выявить как общесоюзные тенденции, так и региональные особенности, обусловленные уровнем индустриализации, этно-демографическими процессами и спецификой расселения в Казахстане. Показано, что жилищная политика способствовала формированию новых моделей повседневности, изменению семейных структур, закреплению советской идентичности и созданию специфической городской культуры. В заключение обосновывается вывод о том, что жилищная политика в Казахстане выступала важнейшим элементом советской модернизации, сочетая функции перераспределения ресурсов, социальной интеграции, дисциплинарного контроля и формирования нового социального порядка. Она не только определяла материальные условия жизни, но и служила инструментом конструирования советского общества, влияя на социальную мобильность, структуру занятости и характер взаимодействия государства и населения.

Ключевые слова: жилищная политика; механизм распределения; региональные особенности; норма жилья; дефицит жилья; жилищно-строительный кооператив

Для цитирования: Капаева А., Асанова С. Социальные аспекты советской модернизации в Казахстане: роль жилищной политики (1920-1980-е гг.). *Gumilyov Journal of History.* 2026. Т.155, no.2, с.179-201. *https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-179-201*

Финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательского проекта ГФ AP23490001 "Социальная политика в Казахстане в исторической динамике. 20-80-е годы XX в.".

Введение

Социальная сфера в любом обществе является важной частью политики государства. Социальная политика в СССР имела особенность: она являлась не только системой обеспечения населения различными благами в виде образования, здравоохранения, жилья, но и была инструментом формирования нового типа гражданина – "советского человека". Проблема соотношения социальной политики и этнической идентичности занимает важное место в современной исторической науке. Казахстан в этом отношении представляет особый научный интерес: на протяжении XX в. он оказался в центре различных социальных экспериментов, сюда стекались миграционные потоки в период освоения целинных и залежных земель (мы не затрагиваем более ранний период и переселенческую политику), здесь располагалась целая сеть лагерей, куда со всего Союза отправлялись "неугодные власти" люди и члены их семей, демографические трансформации и т.д. Эти процессы не могли не повлиять на формы этнического самосознания, языковую ситуацию, культурные процессы и представления о принадлежности к "нации" и "государству".

Советская социальная политика в Казахстане имела двойственный характер. Она обеспечивала доступ к медицинской помощи, образованию, труду (в том числе и женщин Востока) и социальным гарантиям, но одновременно сопровождалась непрерывным процессом идеологизации, цензуры, повсеместным контролем, унификацией. В результате этническая идентичность казахов подвергалась трансформации: в большинстве случаях происходила постепенная интеграция в новую советскую модель, в других – скрытое сопротивление, сохранение традиционных форм в узком кругу.

Материалы и методы

Основу исследования составляют архивные документы республиканских архивов – АП РК, ЦГА РК, а также российские архивы – ГАРФ и РГАСПИ. Фонды органов партийного и государственного управления, материалы плановых комиссий, отчеты местных исполнительных органов. Использование архивных источников позволяет реконструировать как официальную политику, так и реальные механизмы ее реализации, а также выявление противоречий между декларируемыми нормами и практиками. Важным источником являются постановления ВЦИК, СНК РСФСР и Казахской ССР, регулирующие вопросы муниципализации жилищного фонда, нормирования жилплощади и организации жилищного строительства. Существенное значение имеют опубликованные статистические сборники, отражающие динамику жилищного строительства, обеспеченности жильём в рассматриваемый период.

Для анализа взаимосвязи социальной политики и этнической идентичности использован междисциплинарный подход, сочетающий методы социальной истории, истории повседневности, исторической демографии. Социальная политика рассматривается не только как механизм распределения ресурсов, но и как инструмент создания определенных норм и правил поведения, не выходящих за допустимые рамки. Рассмотрены теоретические концепции Мишеля Фуко (Фуко 2002; 2005), С. Холла (Холл 2010). Через концепцию власти М. Фуко можно рассматривать социальную сферу как инструмент управления населением и формирования управляемых субъектов (Фуко

2002; 2005). Работы Дж. Скотта дают понимание того, как этничность становится объектом административного управления. В центре внимания С. Холл и Дж. Скотт является категория "власти", основной задачей которой является унификация, превращение человека в управляемый объект.

В работах Стюарта Холла идентичность понимается как процесс, а не фиксированное понятие, формирующееся под влиянием истории и культуры. Через анализ культуры можно увидеть модель функционирования всего социума: политику, религию, социальные институты, семейные отношения (Холл 2010).

Важное значение для понимания особенностей национальной политики Советского государства и процессов формирования национальных идентичностей имеют концепции, разработанные в современной зарубежной историографии. В частности, значительное влияние на изучение национальной политики СССР оказала работа Terry Martin – The Affirmative Action Empire, в которой анализируется политика советского государства в отношении национальностей и раскрывается специфика так называемой "позитивной дискриминации" в пользу национальных республик и этнических групп (Martin 2001).

При написании статьи применялся ряд методов. Историко-хронологический метод использовался для выявления этапов развития жилищной политики (муниципализация 1920-х годов, послевоенное восстановление, массовое строительство "хрущёвской модернизации", позднесоветский этап). Историко-сравнительный метод позволяет выявить региональные различия в обеспеченности жильём (индустриальные центры, административные города), а также сопоставить динамику жилищного строительства на различных этапах. Историко-системный метод использован для анализа жилищной политики как элемента более широкой системы социальной модернизации.

Проблематика социальной модернизации в Казахстане советского периода и роль жилищной политики в этих процессах находится на пересечении нескольких направлений: истории советской социальной политики, урбанизации и индустриализации, повседневности, а также исследований национальной политики. Несмотря на наличие значительного количества работ, исследование жилищной политики как инструмента социальной трансформации в Казахстане остается недостаточно разработанным.

Обзор литературы

В советской историографии вопросы жилищного строительства рассматривались в основном в рамках общей проблематики социалистического строительства и успехов индустриализации. Работы 1950-1980 гг. в основном описывают количественные показатели ввода жилья, акцентируют внимание на улучшении условий жизни трудящихся. (Востров, Кауанова 1972; Кауанова 1982; Абсадыков 1967).

Важный вклад в изучение повседневности внесли концепции Юрия Слезкина, рассматривавшего коммунальную квартиру как модель советского общества (Слезкин 2001). Шейла Фицпатрик анализировала практики повседневной жизни и социальные стратегии выживания (Фитцпатрик 2001). Эти подходы рассматривают жилищную политику не только как экономическую меру, но и как инструмент формирования новых социальных норм.

Исследования Н. Лебиной анализируют формирование советской повседневности, политику большевиков в сфере жилья и питания, моды и досуга (Лебина 2015).

Меерович М. в своих исследованиях рассматривает государственную жилищную проблему в качестве главной причины жилищного кризиса в стране (Меерович 2015). В работе реконструирует процесс становления и развития советского коммунального хозяйства.

Процессы вовлечения в советскую идентичность в Казахстане осуществлялись не столько через прямое идеологическое воздействие, сколько через повседневный опыт жизни в советской социальной реальности. Вопросы повседневности на материалах Центрального Казахстана рассматривались историками центра этнокультурных и историко-антропологических исследований Карагандинского государственного университета им. Е. Букетова. (История городской повседневности 2017; Города Центрального Казахстана 2017)

Результаты

Жилищная политика и этническая дифференциация городского пространства

Жилищная политика в СССР является одним из важных показателей социального государства. В целом на территории Казахстана накануне 1917 г. насчитывалось более двух десятков поселений городского типа, располагавших примерно 2 млн. кв. м. жилой площади 541 тыс. жителей (Народное хозяйство Казахстана 1977: 5, 159). Все жилые дома были в собственности частных лиц. По типу строения – в северо-восточных областях были в основном деревянные дома, а на юго-западе – саманные, в основном все одноэтажные. Во всех городах республики имелось около 70 тыс. одноэтажных домовладений, из них 4130 каменных и 33 500 деревянных (Народное хозяйство Казахстана 1977: 5, 159).

Город Верный в 1917 году имел 155 тыс. кв. м. жилой площади на 50 тыс. человек. В обзоре Акмолинской области за 1916 г. отмечалось, что в городе Акмолинске насчитывается 771 частное, 4 казенных, 6 церковных жилых домостроений, в которых проживало 14340 человек. Из всех жилых домов было 15 каменных, 13 полукаменных, 694 деревянных, остальные – саманные[1].

Декрет от 28 июня 1918 г. национализировал все предприятия по благоустройству, куда вошли предприятия по водоснабжению, железные дороги, предприятия по канализации.

20 августа 1918 г. декретом ВЦИК была отменена частная собственность на недвижимость в городах. Декрет ВЦИК "Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах" институционализировал переход к социалистической модели жилищного хозяйства, выступив основным инструментом перераспределения городской собственности. Его реализация означала не только юридическую ликвидацию частного владения недвижимостью, но и формирование нового социального порядка, в рамках которого жильё превращалось в ресурс, подлежащий централизованному распределению государством. В Казахстане, как и в других регионах страны, на основе данного декрета была проведена масштабная муниципализация жилого фонда, охватившая прежде всего крупные домовладения, стоимость которых превышала установленный государством порог. К середине 1920-х годов в основном закончилась национализация жилого фонда в городах и был создан обобществленный жилищный фонд. К 1925 г. в республике было муниципализировано 1521 здание[2], что заложило основу общественного жилищного фонда и одновременно стало механизмом включения населения в новую систему социальных отношений, характеризующуюся усилением

зависимости от государственных распределительных практик[3].

Соответствующие законы принимались и на республиканском уровне. Так, СНК Киргизской (Казахской) АССР в 1921 г. принял ряд постановлений по жилищному вопросу. В сентябре 1921 г. Совнарком республики рассмотрел вопросы о национализированном жилом фонде, о постройке на незастроенных участках. Были разработаны положения об управлении домами, различные инструкции комиссиям по предоставлению жилищ рабочим и служащим государственных учреждений. Совнарком Киргизской АССР 7 декабря 1921 г. принял постановление об установлении платы за пользование всеми жилыми и нежилыми постройками.[4.]

На основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 12 июля 1923 г. был установлен размер квартплаты с учетом социального положения квартиросъемщика и его заработка. При заработке 20 руб. в месяц ставка квартирной платы в крупных городах за одну квадратную сажень жилой площади составляла 15 коп., при заработке 30 руб. – 20 коп., 40 руб. – 30 коп, 60 руб. – 50 коп., 100 руб. – 90 коп. (Веселовский 1928: 29). Часть населения – инвалиды войны и труда, семьи красноармейцев – платила по самой низкой ставке, а в некоторых случаях совсем освобождалась от уплаты. На основе всесоюзного закона 1926-1928 гг. было разработано и законодательство о квартирной плате Казахской АССР. 7 декабря 1921 г. Совнарком Киргизской АССР принял постановление об установлении платы за пользование всеми жилыми и нежилыми постройками.

Размер квартплаты во всех союзных республиках был одинаков, а ее удельный вес в бюджете семьи занимает в среднем 3-5% (Дмитриев 1973:96). По переписи на 17 декабря 1926 г. из 6030 тыс. населения республики в городских поселениях проживало всего 519 тыс., что составляло 8,6% (Народное хозяйство Казахской ССР 1957b:10). В том числе 15 городов с населением до 10 тыс. жителей, 6 – до 20 тыс., 6 – до 30 тыс., 3 – до 50 тыс. и один город Семипалатинск имел население более 50 тыс. человек (Веселовский 1928:5,9).

В 1925 г. Казкрайком ВКП(б) организовал при Совнаркоме Казахской АССР строительное бюро, возложив на него жилищное строительство в столице.

Таблица: Общий жилой фонд по городам, рабочим поселкам на 01.01.1933 г.[5]
Table: Total housing stock by cities, workers' settlements 01.01.1933y.

Наименование обл. и городов	Вся жилая площадь в тыс. кв. метрах	В т.ч. муниципальный фонд	Количество населения в тыс. чел.	Нормы жилой площади на 1 чел.
Всего по Казахстану	3243,9	936,7		
В т.ч. Города	2708,1	801,5	818,8	3,3
Райцентры	247,8	76,9		
Раб. поселки	288,0	53,3	162,5	1,8
	По областям, городам			
1. Алма-Ата	340,0	102,0	152,7	2,2
2. Караганда	272,0	15,4	118,6	2,3

3. Семипалатинск	515,0	128,6	114,1	2,8
4. Петропавловск	251,9	78,0	75,3	3,3
5. Чимкент	122,5	37,5	52,1	2,4
6. Актюбинск	126,0	36,5	36,6	3,4
7. Риддер	48,4	21,0	82,8	1,5
8. Коунрад	15,0	2,5	50,9	0,8
9. Уральск	200,2	55,4	50,9	3,9
10. Гурьев	60,5	19,6	30,5	2,0

Таблица отражает региональные диспропорции в обеспеченности жильем городского населения Казахской АССР в начале 1930-х годов. Основная часть жилого фонда была сосредоточена в городах (2708,1 тыс. кв.м.), где проживало 818,8 тыс. человек, однако средняя обеспеченность жильем составляла лишь 3,3 кв.м на человека – этот показатель существенно уступает даже минимальным санитарным нормам, установленным в советских нормативных документах. В рабочих поселках ситуация была еще более острой: при населении 162,5 тыс. человек норма жилой площади снижалась до 1,8 кв.м. на человека, что говорит об экстремальной скученности. Анализ таблицы показывает, что в начале 1930-х гг. жилищная обеспеченность городского населения Казахстана была крайне неравномерной. Старые административные центры (Уральск, Петропавловск, Актюбинск) обладали более высоким уровнем обеспеченности жильем, тогда как новые индустриальные города и рабочие поселки (Караганда, Риддер, Коунрад) испытывали острый жилищный дефицит. Эти различия были обусловлены прежде всего темпами индустриализации, миграционными процессами и историческими особенностями формирования городов.

В 1930 г. в Караганде началась разработка третьей угольной базы СССР. На тот момент в Караганде имелось всего несколько полуподвальных бараков площадью около 4 тыс. кв. м. на 4-5 тыс. жителей. Не хватало жилья для прибывающих рабочих. Рабочие-казахи, прибывшие из аулов, рабочие из других республик первые годы вынуждены были жить в юртах, палатках и землянках. Поэтому шахтерский поселок Караганды тех лет напоминал своеобразную смесь казахского аула с рабочим поселком.

В отчете врачей, командированных в Караганду для комплексного обследования, отмечается: "Прибывающие рабочие ютятся часть по юртам, часть по палаткам, часть под открытым небом. Скученность населения можно характеризовать следующими цифрами: в каменных и саманных бараках имеется в среднем на человека 1,75 кв.м., при световом коэффициенте 1:12, в землянках, где живут до 90% казаки, приходится на человека от 0,35 до 1,25 кв.м. При высоте от 1,5 до 2,5 метров и световом коэф. 1:15 до 1:60, причем в этих землянках помещается мелкий домашний скот, так что не редкость видеть вместе маленьких детей и ягнят"[6].

В документе "Постановления и инструкции СНК КазССР по жилищно-бытовым вопросам" отмечается, что обеспечение жилой площадью дает систематическое снижение нормы в среднем по Киргизскому Краю с 4,1 кв.м. в 1929 г. До 2,7 кв.м. в 1932 кв.м., а по отдельным городам, областным центрам, столице края в ряду промышленных поселков снижается до 1,5 кв.м.[7] "Ни один город и рабочий центр края не имеет канализации. Абсолютно не развито строительство водопровода. Норма подачи воды в среднем по краю не больше 1%, следствием чего является перманентные эпидемические

заболевания населения и антисанитарное состояние населенных мест, находящиеся в прямой зависимости от наличия водопроводов и канализации"[8].

Жилой фонд городов, рабочих поселков и сел республики состоял исключительно из деревянных, саманных, глинобитных стеновых материалов. Даже некоторые города почти полностью состояли из саманных построек. Так, из городских строений Чимкента – 97,4%, Джамбула – 99,9%, Кзыл-Орды – 97,8%, Актюбинска – 80,7% были возведены из самана и прочих строительных Кзыл-Орды – 97,8, Актюбинска – 80,7% были возведены из самана и прочих строительных материалов[9]. В городах республики в 1936 г. еще не было благоустроенных жилых домов.

Вторым пятилетним планом развития народного хозяйства СССР средняя жилая норма на конец 1937 г. установлена 5,35 кв.м. Средняя норма жилплощади по Казахстану равнялась 2,6 кв.м. Однако бурное развитие промышленности, транспорта вызвавшее колоссальный приток населения в города и рабочие поселки Казахстана, "…вместо роста средняя норма жилплощади из года в год снижается. По своему техническому состоянию жилфонд Казакстана имеет от 32 – 69% изношенности. В столице г. Алма-Ата жилая норма на 1 человека уменьшается и достигла 2 кв.м., тогда как в 1928 г. была 4,7 кв.м.".[10]

В индустриальных городах и поселках вопрос обеспечения жильем был самым острым. "По данным Облгоссанинспекции в 1942 г. на одного рабочего на Карагандинском угольном бассейне приходилось в среднем 2,6 кв.м., при наличии большого количества землянок и других временных сооружений. В 1943 г. было сдано в эксплуатацию по всем трестам 56 общежитий с жилой площадью 11.200 кв.м. при этом ряд мелких и временных общежитий был ликвидирован (в частности, ряд землянок). В 1943 г. прибыло 7.000 рабочих, и таким образом переуплотненность увеличилась".[11] Количество прибывающего населения в Караганду опережало темп жилищного строительства.

В условиях ускоренной индустриализации и миграции в города казахское население, особенно выходцы из аулов, оказывались вовлеченными в систему, где социальный статус определялся не этнической принадлежностью, а степенью вовлеченности в производство. Это повлияло на изменение вектора с этнической принадлежности на социально-профессиональные. Однако рост рабочего класса среди казахов шел медленно.

По данным Казахского республиканского статистического управления на 5 мая 1950 года количество рабочих и служащих казахов в промышленности республики составляло только 12,5%. В такой ведущей отрасли промышленности Казахстана, как угольная промышленность, на 10 января 1952 г. количество казахов составляло 12,1%, а по комбинату "Карагандашахтострой" всего лишь 8,5 %. Новое пополнение промышленности и строительства квалифицированными рабочими за счет казахов осуществляется совершенно неудовлетворительно. Недостаточный рост численности рабочих в Казахской ССР за счет коренного населения является одной из серьезных причин, задерживающих создание постоянных и устойчивых рабочих кадров в промышленности и строительстве Казахской республики. (В. Пронин) 17 марта 1952 г.[12]

В индустриальных городах особенностью городского коммунального хозяйства было предоставление жилья и других коммунальных услуг предприятиями, а не местными советами. Таким образом, предприятие ставило работника через профсоюзные органы в очередь на получение места в общежитии или редком случае на квартиру. Конечно, в первую очередь квартиры получали передовики производства, активные, сознательные рабочие – бригадиры, ударники труда. Хорошие показатели в труде для рабочих

ускоряли получение квартиры. Поскольку жильем распоряжалось предприятие, это было мощным средством воздействия на рабочего. За нарушение производственной дисциплины рабочий выселялся из общежития. Получение квартиры или комнаты от предприятия для большинства рабочих было недосягаемой мечтой. Катастрофический дефицит жилья создавал возможности для властей стимулировать трудовой энтузиазм с одной стороны, с другой приучать к строжайшей дисциплине.

Окончательное прикрепление рабочих к производству связано с введением в декабре 1932 г. паспортной системы и института постоянной прописки по всей стране. В марте 1932 г. вышло Постановление ЦИК и СНК Казахской ССР "О введении паспортной системы и обязательной прописке паспортов в населенных пунктах КазССР". "1) Ввести на территории Казакской АССР единую паспортную систему всего населения, не вошедших в первую очередь паспортизации городов, рабочих поселков, населенных пунктов, являющихся районными центрами, новостроек, промпредприятий, совхозов, МТС, МТСС и иных пунктов, где расположены центры МТС и МТСС" (Города Казахстана 2025: 260; Сайлаубай 2025).

Каждый советский человек был прописан в определенном месте и постоянно проживать мог только в этом городе, в этом доме и квартире. Переезд на новое место жительства мог быть разрешен властью по мотивированным обстоятельствам (брак, уход за больными родителями и т.п.) Переехав, следовало сразу прописаться. В крупных городах прописаться можно было лишь к родственникам, если у них были излишки площади свыше санитарной нормы.

Советская политика 20-30-х годов формировала новую социальную структуру, во главе которой стоял рабочий класс. Индустриализация, трудовая политика и освоение природных ресурсов Казахской ССР сопровождалось массовым притоком рабочих и специалистов из других регионов СССР, что усиливало полиэтничность республики. Для казахского населения это означало ускоренный переход к индустриальной модели и замена этничности классовой идентичностью.

Индустриализация в Казахстане в 1920-1930-е годы имела свои особенности по сравнению с другими регионами СССР. В центральных районах Союза уже был сформированный рабочий класс, в Казахстане в этот период преобладало в основном кочевое и полукочевое хозяйство и соответственно население, проживавшее в аулах. Отсутствие пролетариата – существенное отличие процесса индустриализации в Казахстане.

Несмотря на трудности и противоречия, индустриализация сыграла большую роль в формировании нового социального слоя – казахского рабочего класса, который стал одним из носителей советской идентичности. Принадлежность к рабочему классу означала социальный престиж, так как пролетариат считался передовым классом социалистического общества. Индустриализация тесно связана с жилищным строительством в быстро развивающихся индустриальных центрах. Жилищное строительство в 1930-1940-е годы характеризовалось значительным отставанием от темпов индустриального развития и роста городского населения. Городской жилищный фонд Казахстана в рассматриваемый период был представлен преимущественно неблагоустроенными деревянными, саманными и глинобитными постройками. В годы Великой Отечественной войны ситуация существенно осложнилась. Массовая эвакуация промышленных предприятий, научных учреждений и населения из западных регионов СССР вызвала резкий рост численности городского населения, что обострило жилищный кризис и превратило обеспечение населения жильём в одну из наиболее

острых социальных проблем.

В послевоенный период жилищный дефицит приобрёл повсеместный характер, охватив все населённые пункты Советского Союза. Справка Центрального статистического управления СССР "О состоянии городского жилищного фонда в 1940-1952 гг. в СССР" от 18 августа 1953 г. отмечает, что средний размер жилой площади на одного человека в городах и рабочих поселках составлял 5,6 кв.м. (Народное хозяйство СССР 1961). Несмотря на рост жилищного строительства, уровень обеспеченности жильем в Казахстане в 1940-1950-е годы оставался низким. В большинстве городов республики показатели обеспеченности находились на уровне 4-6 кв.м. жилой площади на человека (Народное хозяйство Казахской ССР 1957а). Реальная обеспеченность была еще ниже, поскольку официальная статистика не учитывала значительную часть временно проживающих лиц и перенаселенность квартир.

В 1955 г. был образован Государственный комитет Совета Министров Казахской ССР по делам строительства и архитектуры (Госстрой Казахской ССР). Началась разработка проектов городов Джезказгана, Текели, Зыряновска. Были составлены проекты застройки Усть-Каменогорска и Лениногорска, а также рассмотрены и одобрены генеральные планы Павлодара, Джезказгана, Кокчетава и Темиртау[13].

Проверка состояния жилищных и культурно-бытовых условий трудящихся управления "Белогорскстрой" и Белогорского горно-обогатительного комбината (директор комбината В.А. Самородский, начальник строительного управления А.Я. Хегай) (ВКО) показала острый дефицит жилья. Проверка проводилась в 1959 г. в поселках рудников: Огневка, Асу-Булак, Белая гора, Новостройка. Жилая площадь, занимая каждым человеком в квартирах и общежитиях не соответствовала санитарным нормам. Средняя норма жилой площади составляет 4,5 кв. метра, из которой приходится фактически на одного человека в строительном управлении 3,9 кв.м., в т.ч. в общежитиях 6 кв.м. и на 1 чел. В комбинате 5,1 кв.м, при средней минимальной санитарной норме 9 кв.м. на каждого человека[14]. Так, например в пос. Красный кордон в доме общей площадью 296,8 кв.м. проживает 21 семья, общей численностью 80 человек, средняя площадь жилья, занимаемая каждым человеком составляет 3,7 кв.м. Дом полностью заражен грибком и разрушается. "Семья рабочего стройуправления Гарлиман, состоящая из 4 человек, занимает комнату в 6 кв.м., семья каменщика Айсарова, состоящая из 6 человек, занимает жилую площадь 12 кв.м и небольшую кухню. Семья учительницы Веденевой С.Н. Асу-Булакской средней школы, состоящая из 4 чел. проживает в школьной сторожевой комнате, площадью 8 кв.м. Молодая учительница этой же школы (Зав. Уч. Частью) Иминова Т. совершенно не имеет квартиры и проживает в санузле, расположенном на 3 этаже школы. Красный кордон и Асу-Булак не обеспечены водой, нет водопровода и водозаборных колонок, колодцев недостаточно. Жители поселков Красный кордон и Огневка вынуждены брать воду из речек за 600-800 метров"[15]. Несмотря на отсутствие в общежитиях надлежащих жилищно-бытовых условий с жильцов взимается квартирная плата за койко-место 23 руб. 80 копеек.

Много нарушений при строительстве жилья выявлено было в Караганде, где катастрофически не хватало жилья для рабочих. В частности, комбинат "Карагандауголь" проводил неправильную практику жилищного строительства. При наличии большого задела жилой площади без особой надобности включаются в план строительства новые жилые дома. При этом, как новые, так и переходящие с прошлых лет жилые дома не обеспечиваются финансовыми вложениями для полного окончания строительства

в 1959 г. "Ряд числящихся в заделе жилых домов, достройка которых с каждым годом откладывалась, уже разрушаются. К примеру, взять 53-х квартирный дом завода им. Пархоменко. Строительство, начатое в 1957 г., с января 1958 г. было прекращено и до настоящего времени не возобновлялось. Котлован цокольного этажа с выполненными в нем фундаментами и стенами из крупных блоков, стоимостью около одного млн. руб., многократно затоплялся, что привело к разрушению конструкций и переделкам их со значительными дополнительными затратами государственных средств"[16]. Почти повсеместно на проверенных стройках наблюдалось низкое качество строительно-монтажных работ. Допускались грубейшие нарушения правил производства строительных работ и отступления от проектов. Неправильно выполненные конструкции и даже целые здания преждевременно разрушаются, чем наносят большой ущерб государству. "Например, в Восточном строительном управлении треста "Караганда-промжилстрой" в 98 квартале Нового города при строительстве 53-х квартирного дома допущены грубейшие нарушения правил производства работ, что повлекло за собой обрушение междуэтажных перекрытий всех 4-х этажей. Проверка показала, что сборные железобетонные прогоны под плитами перекрытий оказались с трещинами и были уложены с эксцентриситетом по отношению колонн, доходящим до 15 см. В 1958 г. разрушился перед самым окончанием строительства пятиэтажный жилой дом №7 в 11 квартале города Сарани"[17]. В Карагандинском угольном бассейне весьма высокая стоимость строительства жилых домов. Например, средняя стоимость одного квадратного метра жилой площади, построенной в 1958 г. Для шахт № 22,23 в Новом городе, для шахт №№ 121,122 в пос. Актас составляет: в кирпичных домах 1802 руб. и в каркасно-щитовых домах, облицованных с наружной стороны кирпичной кладкой – 1248 руб. В городе Сарани, поселках Чурубай-Нуре, Карабассе, Шахане и Придолинском, соответственно: 1781 и 1141 руб, при плановой стоимости 1130 руб.[18]

В тресте "Атасурудстрой" в сданных в эксплуатацию в 1959 г. 8-ми квартирных жилых домов №№ 18, 19, 20, 27, 28 (поселок Горняков) крыши протекают, в результате разрушаются штукатурка стен и потолков. Дверные коробки не закреплены и вываливаются. Межкомнатные перегородки при легком нажиме падают. Все дома, сданные в этом году, сданы с большими недоделками. Так, например, 12-ти квартирный дом № 8 в 11 квартале введен без воды, санузлы не смонтированы, перила лестничных маршей не закончены. В домах № 7 и 14 межкомнатные перегородки качаются. В этих домах нет воды и электроосвещения, канализация не работает. Низкое качество строительно-отделочных работ на жилых[19].

Приведённый архивный документ наглядно отражает системные проблемы жилищного строительства в Казахстане конца 1950-х гг., связанные как с качеством строительных работ, так и с практикой ввода объектов в эксплуатацию. Факты сдачи жилых домов с серьёзными конструктивными дефектами – протекающими крышами, неустойчивыми перегородками, незакреплёнными дверными коробками – свидетельствуют о низком уровне контроля за строительством и нарушении элементарных технических норм. Особое внимание привлекает ввод в эксплуатацию многоквартирных домов без базовой инженерной инфраструктуры: водоснабжения, канализации, электроосвещения и санитарно-технического оборудования. Это указывает на формальный характер выполнения плановых заданий, при котором приоритет отдавался количественным показателям (сдаче объектов), а не их качеству и пригодности для проживания.

Упоминание аналогичных нарушений в деятельности другого строительного треста

("Карагандапромжилстрой") позволяет говорить не о локальных сбоях, а о более широких, отраслевых проблемах строительного комплекса. Подобная практика была тесно связана с административно-командной системой управления, в рамках которой выполнение плана зачастую достигалось за счёт снижения требований к качеству.

Таким образом, анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что жилищная политика рассматриваемого периода характеризовалась противоречием между масштабами строительства и качеством вводимого жилья. Формальное выполнение планов и слабый технический контроль приводили к тому, что новые жилые дома не обеспечивали базовых условий для проживания. В повседневной жизни это означало сохранение низкого уровня бытового комфорта, вынужденное проживание в аварийных или недостроенных помещениях и перекладывание части затрат по доведению жилья до пригодного состояния на самих жителей.

В более широком контексте подобные практики подрывали доверие населения к декларируемым целям социальной политики и демонстрировали ограниченные возможности государства по реализации модели "благоустроенного социалистического быта".

Важным социальным проектом в 60-е годы стало массовое жилищное строительство при Н. Хрущеве, целью которого было обеспечение минимально нормальными условиями городское население страны. Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 931 от 31.07.1957 "О развитии жилищного строительства в СССР" обязало разработать новые типовые проекты многоэтажных домов (5-6 этажей, без лифтов) с меньшими размерами жилых комнат и нежилых помещений. Такие дома стали называть "хрущёвками". Для Казахстана, в котором проходили процессы индустриализации, урбанизации, миграции, формирования новой социальной структуры, это была значимая инициатива. Республика испытывала острый дефицит жилья, связанный с индустриальным ростом Караганды, Темиртау, Усть-Каменогорска, Джезказгана. Массовое строительство "хрущевок" было рассчитано на быстрое обеспечение рабочих и служащих функциональным жильем. Получение отдельной квартиры означало не просто улучшение бытовых условий, но и качественный сдвиг в образе жизни. Однако распределение жилья по-прежнему зависело от места в производственной и административной иерархии. Рабочие крупных предприятий и специалисты, прибывавшие из других регионов СССР, зачастую получали квартиры быстрее, чем коренное городское население. В результате советская жилищная политика, провозглашая равенство, на практике закрепляла различия в получении "заветных" квадратных метров. Типовые микрорайоны с их унифицированной архитектурой формировали общее социальное пространство, стирая региональные различия и встраивая республику в общесоюзный проект. Массовое строительство типовых домов – "хрущевок" базировалось на принципах индустриального домостроения, стандартизации и максимального удешевления.

Ведомственная система благ как механизм неравного распределения.

Архивные материалы Министерства коммунального хозяйства, Строительного комитета при СНК КазССР и местных исполнительных комитетов показывают, что распределение жилья осуществлялось по принципу производственной и социальной востребованности: приоритет отдавался рабочим промышленных предприятий, инженерно-техническим кадрам, партийно-советскому активу[20].

Так, для руководителей Восточно-Казахстанской области и облисполкома в 1959 г. был построен 4-х квартирный жилой дом, в котором на каждую квартиру приходится

полезной площади 152,5 кв.м., в т.ч. жилой – 100 кв.м., кухня – 16,3 кв.м., ванна – 6 кв.м. погреб – 24 кв.м. "Полы вместо предусмотренных проектом обычных дощатых, сделаны паркетные. В кухне и ванне вместо масляных панелей, выполнены из глазури. Дорогостоящие люстры, лепные украшения"[21]. В этом же 1959 г. проверка жилищных условий рабочих и молодых специалистов треста "Актюбстрой" показала, что 640 человек проживают в общежитиях, которые давно не ремонтировались, в комнатах "заселились клопы, стены испачканы, дезинфекции долгое время не проводилось. В девяти общежитиях холодно, окна не отремонтированы"[22]. На Зыряновском Свинцово-цинковом комбинате в 1958 г. построено пять одноквартирных жилых дома для руководящих работников комбината, общей площадью 250 кв. м каждый дом. Стоимость этих домов составляла 1047 тыс. руб., т.е. более 4 тыс. руб. за один кв. метр жилой площади[23]. В то время как по государственному плану стоимость кв. метра должна быть в пределах 1330-1600 руб. В акте проверки треста "Кокчетавстрой" отмечено, что в общежитии проживает 16 семей рабочих, где имеется "лишь один кухонный очаг, что затрудняет приготовление пищи, перебои в водоснабжении по несколько дней, перебои со светом, места общественного пользования не содержатся в чистоте". Несмотря на отсутствие в общежитиях надлежащих жилищно-бытовых условий с жильцов взималась квартирная плата за койко-место в размере 23 руб. 80 коп.[24].

Все эти нарушения были выявлены в ходе проверки в 1958/1959 гг. Комиссией советского контроля Совета Министров Казахской ССР, которую возглавлял зам. председателя В. Чернявский. 24 сентября 1957 г. ЦК КП Казахстана и Совет Министров Каз. ССР принял постановление № 659 "О мерах по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. о развитии жилищного строительства". По результатам проверки было направлено письмо секретарю ЦК КП Казахстана Ф.К. Карибжанову "О фактах грубого нарушения постановления партии и правительства в части устранения излишеств в проектировании и строительстве в Восточно-Казахстанской области" от 24 ноября 1958 г.

Проверка показала резкий контраст между жилищными условиями руководящих работников и рядовых рабочих в ряде регионов Казахстана конца 1950-х годов. Мы видим несоответствие между декларируемыми принципами социалистического равенства и реальной практикой распределения ресурсов, в данном случае жилой площадью. В условиях индустриализации и освоения сырьевых ресурсов (Восточный Казахстан, Зыряновск, Актюбинск, Кокчетав) жилищный вопрос был одним из основных факторов социальной стабильности. Основными причинами текучести рабочих кадров были неудовлетворительные жилищно-бытовые условия.

Так, в управлении "Иртышгэсстрой" (начальник Инюшин, гл. инженер Елецкий) за 10 мес. принято на работу рабочих 2262 человека, а уволено за это время 1883 чел. или 83% к числу принятых. Из общего числа уволенных 243 человека оставили производство из-за отсутствия жилой площади. В тресте "Иртышуглестрой" Карагандинского совнархоза, за указанное время принято 2987 рабочих, а уволено 3234 человека или 112% к числу принятых. (25 декабря 1959 г.)[25].

С 1962 г. в крупных городах республики началось строительство жилья жилищно-строительными кооперативами (ЖСК) подрядным способом. Государство освобождалось от значительной доли затрат на строительство. На его развитие партийные и советские

органы обращали постоянное внимание. С 1962 г. кооперативам выдавались кредиты на строительство жилых домов в размере до 60 % от их стоимости на срок от 10 до 15 лет, что привело к росту ввода жилой площади кооперативами до 32-33 млн м^2 в восьмую и девятую пятилетки. Одновременно с этим, хотя в столицах союзных республик и было запрещено строительство индивидуальных домов, во всех остальных поселениях Советы Министров республик СССР обязывались не только содействовать индивидуальным застройщикам стройматериалами, но и финансировать проекты планировки и благоустройство районов индивидуального жилищного строительства. Люди платили вступительный взнос и ждали получения жилья 3-4 года. Затем еще 15 лет выплачивали оставшуюся сумму. Еще одним нововведением стала организация молодежных жилищных комплексов, которые возводились за счет заинтересованных предприятий трудом его работников, получавших зарплату на строительстве при сохранении рабочего места на предприятии. Чтобы снизить затраты, члены кооперативов сами работали на постройке (метод народной стройки) домов. (Дворецкий 1990: 31)

Так, летом 1964 г. при Чимкентском горисполкоме был организован общественный отдел по жилищно-кооперативному строительству. За два года в городе появилось 22 кооператива. К 1965 г. 319 семей переселились в кооперативные благоустроенные квартиры[26]. В Кустанайской области с 1964-1970 гг. жилищными кооперативами построено 18 домов общей площадью 35 861 кв.м. В Актюбинской области в течение 1966-1968 гг. кооперативом было введено в эксплуатацию 15 852 кв. м.[27] В целом по республике за годы восьмой пятилетки было построено 577 тыс. кв.м. кооперативного жилья. (Народное хозяйство Казахстана 1977:158).

Были утверждены следующие стандартные размеры квартир в массовом жилищном строительстве – 18-22 м^2 жилой площади для однокомнатной, 24–32 м^2 для двухкомнатной и 33-47 м^2 для трехкомнатных квартир, не считая кухни и других обслуживающих помещений (Кобалевский 1954: 50–52). В результате перехода к индустриальному методу сроки возведения четырех-пятиэтажных домов были сокращены до 3–6 месяцев, а восьми-девятиэтажных домов – примерно до одного года. (Николаев 1956: 48).

Казахский филиал Академии строительства и архитектуры СССР разрабатывая проекты квартир предложил: "Уже в 1960-1965 гг. за счет уменьшения средней площади комнат можно увеличить количество многокомнатных (3-4-х комнатных квартир) в сериях жилых домов. Так, в серии № 308 основным типом является двухкомнатная квартира, предоставляемая обычно семье в 4 человека. В период 1960-1965 гг. такой семье может быть предоставлена трехкомнатная квартира жилой площадью 30-33 кв. м., имеющая примерно такую же стоимость, как 2-х комнатная серии № 308". Казахский филиал Академии строительства и архитектуры СССР составил таблицу:

Размеры квартир для государственного жилищного строительства в Казахской ССР в 1960-1965 гг.
Apartment Sizes for State Housing Construction in the Kazakh SSR, 1960-1965.

Кол-во членов семьи	2	3	4	5	6 чел. и больше
Жилая площадь квартиры в кв.м.	15-17	23-25	30-34	38-42	45-51
Кол-во комнат в квартире	1	2	3	4	5

Таблица составлена на основе данных: "Народное хозяйство Казахстана" 1965. No.3, с.3-7.

Представленная статья из журнала "Народное хозяйство Казахстана" отражает характерные тенденции развития советской жилищной политики в 1960-е гг., связанные с переходом к массовому жилищному строительству и стандартизации планировочных решений. В центре внимания находится задача оптимизации жилого пространства за счёт уменьшения средней площади комнат при одновременном увеличении количества комнат в квартире.

Предлагаемый подход демонстрирует стремление проектировщиков и государственных органов обеспечить формальное улучшение жилищных условий – прежде всего через увеличение числа комнат, что рассматривалось как показатель повышения уровня комфорта и соответствия семьи "нормативной" модели проживания. Так, для семьи из четырёх человек предусматривалась возможность перехода от двухкомнатной квартиры к трёхкомнатной при сопоставимой стоимости, однако за счёт сокращения жилой площади отдельных помещений. Иногда, в 25-метровой "распашонке" (квартира, где одна из комнат проходная) жило 4-6 человек.

Таким образом, планировочные решения отражали компромисс между необходимостью массового обеспечения жильём и ограниченностью ресурсов. Приоритет отдавался количественным показателям (число квартир, комнат), тогда как качественные характеристики – простор, функциональность и комфорт – оставались вторичными.

В более широком контексте это позволяет рассматривать хрущёвскую жилищную реформу как пример "ускоренной модернизации", в которой количественные показатели (массовость, охват населения) доминировали над качественными характеристиками среды. Несмотря на очевидные ограничения, именно эта модель стала важным этапом в трансформации повседневной жизни советского общества, задав новые стандарты жилья и представления о бытовом комфорте.

В Казахской ССР доля государственного жилищного строительства достигла наивысшего среди всех республик показателя в 73 %, в то время как за счет населения было построено 20 % жилья, а жилкооперацией и колхозами – по 2,2-2,3 %.

В 1959-1965 гг. были введены в эксплуатацию водопроводы в Целинограде, Уральске, Кустанае, Кокчетаве, Чимкенте и др. городах. В республике к концу 1965 г. было гази-фицировано 490,2 тыс. квартир или более 2 млн. человек стали пользоваться газом. В числе городского обобществленного фонда имели водопровод 61% квартир, канализацию – 57%, центральное отопление – 63, газ – 27, горячую воду – 20% (Народное хозяйство Казахстана 1977: 160). В 1965 г. в городах республики в среднем на каждого человека стало приходится примерно 8,7 кв.м. общей или 6,2 кв.м. жилой площади (Народное хозяйство Казахстана 1977:159)

К 1976 г. в республике 87% всех квартир имели водопровод, 86 – канализацию и центральное отопление, 80 – ванные, 96 – газовое отопление.

За 1967-1976 гг. охват населения телевидением возрос с 44 до 75%, а сеть радиоточек увеличилась на 1,5 млн. абонентов. В 1976 г. население республики получило более 60 тыс. телефонов (Казахстанская правда, 1976. 28 января и 1977. 7 мая).

Доля благоустроенного городского жилищного фонда по союзным республикам и видам благоустройства на 01.01. 1960 (%)
Share of Improved Urban Housing Stock by Union Republics and Types of Amenities as of January 1, 1960 (%)

Республики	Водопровод	Канализация	Центральное отопление	Газ	Ванна/ душ
РСФСР	38	34	32	20	20
Украинская ССР	31	28	20	17	17
Белорусская ССР	24	21	18	3	13
Узбекская ССР	9	7	6	5	5
Казахская ССР	15	12	16	1	8
Грузинская ССР	34	31	12	3	11
Азербайдж.ССР	36	32	11	50	16
Литовская ССР	38	35	14	3	17
Молдавская ССР	22	18	11	23	11
Латвийская ССР	55	54	18	20	27
Киргизская ССР	13	7	6	2	5
Таджикская ССР	9	8	6	2	5
Армянская ССР	34	27	19	2	15
Туркменская ССР	11	10	7	10	8
Эстонская ССР	54	55	19	15	27

Таблица составлена на основе данных: Баканов С., Хлызов В. Всесоюзная перепись жилищного фонда СССР 1960 г.: организация и итоги. Новейшая история России. 2023. Т.13, no.3, с.491.

В общий комплекс понятия жилищной проблемы входит обеспеченность благоустроенной квартирой с водопроводом, канализацией, центральным отоплением, газом, электроосвещением; наличие ванны, телефона, радио. Партией была поставлена задача, чтобы не было различия между центром и окраиной населенного пункта, между городом и деревней.

Существовали и нормативы по оценке благоустройства. Например, оборудованной водопроводом считалась жилплощадь, если водопровод был проведен внутрь здания, вне зависимости от источника воды. В качестве источника мог служить и колодец, в случае если вода из него выкачивалась при помощи электромотора и подавалась по трубам. При этом если на улице рядом с жилым зданием находились водопроводная колонка или кран, для использования которых необходимо было выйти из жилого помещения, то такая жилая площадь отмечалась как "не оснащенная водопроводом". Схожий принцип был и с учетом наличия канализации: благоустроенными считались строения, внутри которых была установлена канализация. При этом наличие канализации в каждой квартире было необязательным. Для учета благоустройства центральным отоплением было необходимо наличие котла для подогрева воды, а также труб для проводки воды по комнатам. Оборудованная газом жилплощадь учитывалась лишь в том случае, когда в ней была установлена какая-либо газовая аппаратура: плита, колонка, водогрейный

котел или проведено газовое отопление. Оборудованной ванной или душем считалась вся жилая площадь квартир, в которых установлена ванна или душ, независимо от того, установлены они в отдельной комнате или в другом приспособленном для этой цели помещении в других строениях. Важно отметить, что жилая площадь не считалась оборудованной душем в том случае, если отсутствовало оборудование для подогрева воды и душем можно было пользоваться только в летнее время. Для учета жилой площади, как оборудованной электрическим освещением, как и в случае с другими видами благоустройств, было совсем не обязательно, чтобы освещение имелось на всей жилой площади: достаточно и того, чтобы подводка электросети была лишь в части комнат (Баканов, Хлызов 2023:482).

Если сравнить обеспеченность городского населения жильем среди союзных республик СССР в 1960-1980 гг., то лидерами были Эстонская и Латвийская СССР (превышение над общесоюзными показателями на 25 %). Также систематически более высокие значения площади жилья, приходящегося на одного городского жителя, демонстрировали Грузинская ССР (на 10 %) и Украинская ССР (на 8 %), а также Литовская ССР (на 5 %). На среднем по стране уровне находились РСФСР и Белорусская ССР, в то время как показатели Молдавской, Казахской и Армянской ССР были, соответственно, в среднем на 8 %, 10 % и 12 % ниже общесоюзных. Наиболее низкие значения были характерны для Азербайджанской ССР (на 16% ниже среднего по СССР уровня) и Туркменской ССР (на 17 %), Киргизской и Таджикской ССР (на 20 %), а также для Узбекской ССР (на 24 %) (Пилипенко 2022:37).

К концу существования СССР оформилось несколько групп республик по обеспеченности населения жилой площадью. На первом месте среди всех союзных республик находилась Эстонская ССР, где на одного жителя к 1990 г. приходилось 21,6 м2 жилья. В группу лидеров также входили Латвийская и Литовская ССР (19,8 и 19,0 м2 соответственно), Грузинская ССР (18,8 м2), Белорусская и Молдавская ССР (по 17,9 м2) и Украинская ССР (17,8 м2). Показатель РСФСР немного превышал общесоюзный уровень (16,4 и 16,0 м2 соответственно), в то время как показатели Армянской и Казахской ССР были на 7–11 % ниже среднего по СССР (15,0 м2 и 14,2 м2 соответственно). Замыкали список республики с высоким естественным приростом населения: Азербайджанская ССР (12,5 м2), Киргизская и Узбекская ССР (по 12,1 м2), Туркменская ССР (11,1 м2) и Таджикская ССР (9,3 м2) (Пилипенко 2022:38-39)

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что жилищная политика в Казахстане в 1920-1980-е гг. выступала не только важнейшим элементом социальной политики, но и одним из основных инструментов советской модернизации. Жилищная политика играла центральную роль в трансформации социальной структуры казахстанского общества. Через механизмы распределения жилплощади формировались новые социальные структуры, закреплялись элементы социальной дифференциации. Доступ к жилью зависел не только от экономических факторов, но и от положения в системе государственной и производственной иерархии, что делало жилищный фонд важным инструментом регулирования социальных отношений. Анализ жилищной политики показал её двойственность: с одной стороны, она способствовала улучшению материальных условий жизни и расширению доступа к городским формам быта; с другой –

выступала механизмом государственного контроля и интеграции населения в советскую систему социальных и идеологических отношений.

Acknowledgments
The authors of the article express their gratitude to the editorial team and the reviewers

Алғыс
Мақала авторлары редакция ұжымына және рецензенттерге алғысын білдіреді.

Благодарности
Авторы статьи выражают благодарность редакционной коллегии и рецензентам.

Примечания

1. Обзор Акмолинской области. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее ЦГА РК), ф.393, оп.1, д.129, л.343.
2. Доклад о состоянии жилищно-коммунального хозяйства по Казахстану ЦГА РК, ф.1211, оп.1, д.60, л.2.
3. Доклад о состоянии жилищно-коммунального хозяйства по Казахстану ЦГА РК, ф.1211, оп.1, д.60, л.3
4. Решения и постановления Совнаркома КАССР ЦГА РК, ф.30, оп.1, д.58, л.148.
5. Конъюнктурные сведения о численности персонала, рабочей силе, производительности труда. Доклад о состоянии жилищно-коммунального хозяйства по Казахстану. ЦГА РК, ф.1211, оп.1, д.60, л.65.
6. Отчет о работе и командировке врачей. ЦГА РК, ф.815, оп.1, д.16, л.26.
7. Основные показатели и контрольные цифры по жилищно-коммунальному хозяйству ЦГА РК, ф.908, оп.1, д.13, л.20.
8. Основные показатели и контрольные цифры по жилищно-коммунальному хозяйству ЦГА РК, ф.908, оп.1, д.13, л.22.
9. Доклад о состоянии жилищно-коммунального хозяйства по Казахстану ЦГА РК, ф. 30, оп.5, д.709, л.18-22.
10. Санитарное состояние крупнейших объектов республики. Промышленно-санитарный надзор Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф.р-9226, оп.1, д.524, л.19 об.
11. О бытовых условиях сезонных рабочих на нефтепромыслах ЦГА РК, ф.1213, оп.1, д.6, л.26.
12. О недостатках в руководстве школами ФЗО и ремесленными училищами Российский Государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ), ф.17, оп.135, д.82, л.69.
13. Распоряжения Совета Министров КазССР. ЦГА РК, ф.1559, оп.1, д.4, л.57.
14. Материалы проверки Восточно-Казахстанского совнархоза. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.161, л.110, 113.
15. Материалы проверки состояния жилищных и культурно-бытовых условий трудящихся ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.16, л.113.
16. Материалы проверки хода выполнения плана строительства жилищных и культурно-бытовых объектов коммунального хозяйства. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.174, л.7.
17. Материалы проверки хода выполнения плана строительства жилищных и культурно-бытовых объектов коммунального хозяйства ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.174, л.20.

18. Материалы проверки хода выполнения плана строительства жилищных и культурно-бытовых объектов коммунального хозяйства ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.174, л.213.
19. Материалы проверки выполнения плана жилищного строительства Восточно-Казахстанского, Карагандинского и Кустанайского совнархозов. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.306, л.41.
20. Распоряжения Совета Министров КазССР. ЦГА РК, ф.1559, оп.1, д.4, л.57.
21. Материалы проверки жилищного строительства. ЦГА РК. ф.1677, оп.1, д.25, л.69-70.
22. Материалы проверки жилищного строительства. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.25, л.69.
23. Материалы проверки жилищного строительства. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.25, л.13.
24. Материалы проверки жилищного строительства. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.25, л.70.
25. Материалы проверки состояния жилищных, культурно-бытовых условий трудящихся. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.161, л.115. Материалы проверки жилищного строительства. ЦГА РК, ф.1677, оп.1, д.25, л.64.
26. Справки и отчеты о выполнении решений горисполкома. Архив Президента Республики Казахстан (далее АП РК), ф.708, оп.40, д.1358, л.138.
27. Информация о работе по улучшению строительства городов. АП РК, ф.708, оп.4, д.1533, л.90, 102.

Список литературы

Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939.* Ithaca-Londres: Cornell University Press. 2001. 496 p.

Абсадыков А. *От юрт до высотных зданий.* Алма-Ата: Казахстан. 1967. 54 с.

Баканов С., Хлызов В. Всесоюзная перепись жилищного фонда СССР 1960 г.: организация и итоги. *Новейшая история России*. 2023. Т.13, no.3, с.482-499.

Веселовский Б. *Коммунальное хозяйство в цифрах и диаграммах 1917-1927 гг.* Москва: НКВД РСФСР. 1928. 467 с.

Востров В., Кауанова Х. *Материальная культура казахского народа на современном этапе.* Алма-Ата: Наука. 1972. 236 с.

Города Казахстана в 20-30-х гг. XX века как социокультурный феномен: этно-демографическое и социально-культурное развитие: *Сборник архивных документов и материалов*. Алматы: Нұрлы Әлем. 2025. 400 с.

Города Центрального Казахстана в 1950-1960-е годы. Караганда. 2017. 224 с.

Дворецкий С. *Жилищная проблема в СССР и пути ее решения Москва:* Профиздат. 1990. 31 с.

Дмитриев Н. *Жилищный вопрос: два мира – два подхода.* Науч. ред. Ю. Вознесенский. Москва: Московский рабочий. 1973. 208 с.

История городской повседневности Центрального Казахстана в 1946-1991 годы (с сюжетами демографической и социальной истории): Сактаганова З., Абдрахманова К., Досова Б., Козина В., Елеуханова С., Карсыбаева Ж., Утебаева А. Караганда: "Гласир". 2017. 456 с.

Кауанова Х. *Образ жизни и быт рабочих семей:* (На материалах Казахстана). Алма-Ата: Наука. 1982. 166 с.

Кобалевский В. *Жилищное строительство в пятой пятилетке.* Москва: Госполитиздат. 1954. 80 с.

Лебина Н. *Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии.* 1920-1930 годы. Москва: Новое литературное обозрение. 2015. 488 с.

Меерович М. Жилищная политика СССР с 1917 по 1941 г. *КЛИО.* 2009. No.2, с.65-78.

Народное хозяйство Казахской ССР. *Статистический сборник.* Алма-Ата. 1957а.

Народное хозяйство Казахстана в 1976 г. *Статистический сборник.* Алма-Ата. 1977.

Народное хозяйство Казахской ССР: *Статистический сборник.* Стат. Управление КазССР. Алма-Ата. 1957b.

Народное хозяйство СССР в 1960 г.: *статистический ежегодник Москва:* Статистика, 1961.

Николаев А. *Жилищное строительство в шестой пятилетке.* Москва: Госполитиздат. 1956. 96 с.

Пилипенко И. Динамика жилищного строительства в республиках СССР в 1920-1980-е гг. *Историко-экономические исследования.* 2022. Т.23, no.1, с.7-43.

"Под знаменем Победы — к новым успехам". *Казахстанская правда*. 1977. 7 мая

Сайлаубай Е., Алимгазинов К. Формирование паспортной системы в Карагандинской области в 1930-е годы. *Gumilyov Journal of History.* 2025. Vol.152, no.3, pp.186-07. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3-186-207.

"Связь и телевидение на службе народа". *Казахстанская правда*.1976. 28 января

Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира. *В: Американская русистика: Вехи историографии последних лет.* Советский период. Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет. 2001. 376 с.

Фицпатрик Ш. *Повседневный сталинизм.* Социальная история советской России в 30-е годы. Москва. 2001. 478 с.

Фуко М. *Нужно защищать общество.* СПб: Наука. 2005. 312 с.

Фуко М. *Интеллектуалы и власть.* Часть 1. Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970+1988. Москва: "Праксис". 2002. 388 с.

Холл С. Вопрос культурной идентичности. *Художественный журнал.* 2010. No.77- 78. URL: http:/xz.gif.ru/numbers/77-78/hall/

References

Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939.* Ithaca-Londres: Cornell University Press. 2001. 496 p. (in English)

Absadykov A. *Ot iurt do vysotnykh zdanii.* Alma Ata: Kazakhstan.1967. 54 p. (in Russian)

Bakanov S., Khlyzov V. Vsesoiuznaia perepis zhilishchnogo fonda SSSR 1960 g.: organizatsiia i itogi. *The modern history of Russia*. 2023.Vol.13, no.3, p.482-499. (in Russian)

Veselovsky B. *Kommunalnoe khoziaistvo v tsifrakh i diagrammakh 1917-1927 gg.* Moscow: NKVD of the RSFSR. 1928. 467 p. (in Russian)

Vostrov V., Kauanova H. *Materialnaia kultura kazakhskogo naroda na sovremennom etape.* Alma Ata: Science. 1972. 236 p. (in Russian)

Goroda Kazakhstana v 20-30-kh gg. XX veka kak sotsiokulturnyi fenomen: etno-demograficheskoe i sotsialno-kulturnoe razvitie: Collection of archival documents and materials. Almaty: Nurly Alem. 2025. 400 p. (in Russian)

Goroda Tsentralnogo Kazakhstana v 1950-1960-e gody. Karaganda. 2017. 224 p. (in Russian)

Dvoretsky S. *Zhilishchnaia problema v SSSR i puti ee resheniia.* Moscow: Profizdat. 1990. 31 p. (in Russian)

Dmitriev N. *Zhilishchnyi vopros: dva mira – dva podkhoda*. Scientific editor Yu. Voznesensky. Moscow: Moskovsky rabochy. 1973. 208 p. (in Russian)

Istoriia gorodskoi povsednevnosti Tsentralnogo Kazakhstana v 1946-1991 gody (s siuzhetami demograficheskoi i sotsialnoi istorii): Saktaganova Z., Abdrakhmanova K., Dosova B., Kozina V., Eleukhanova S., Karsybayeva Zh., Utebayeva A. Karaganda: "Glazir". 2017. 456 p. (in Russian)

Kauanova H. *Obraz zhizni i byt rabochikh semei:* (Na materialakh Kazakhstana). Alma Ata: Science. 1982. 166 p. (in Russian)

Kobalevsky V. *Zhilishchnoe stroitelstvo v piatoi piatiletke.* Moscow: Gospolitizdat. 1954. 80 p. (in Russian)

Lebina N. *Povsednevnaia zhizn sovetskogo goroda: normy i anomalii.* 1920-1930 gody. Moscow: New Literary Review. 2015. 488 p. (in Russian)
Meerovich M. Zhilishchnaia politika SSSR s 1917 po 1941 g. *CLIO.* 2009. No.2. pp.65-78. (in Russian)
Narodnoe khoziaistvo Kazakhstana. *Statistical collection*. Alma Ata. 1957a. (in Russian)
Narodnoe khoziaistvo Kazakhstana v 1976 g. *Statistical collection.* Alma Ata. 1977. (in Russian)
Narodnoe khoziaistvo Kazakhskoi SSR. *Statistical collection*. Stat. Administration of the Kazakh SSR. Alma Ata. 1957b. (in Russian)
Narodnoe khoziaistvo SSSR v 1960 g.: *Statistical Yearbook.* Moscow: Statistics. 1961. (in Russian)
Nikolaev A. *Zhilishchnoe stroitelstvo v shestoi piatiletke.* Moscow: Gospolitizdat. 1956. 96 p. (in Russian)
Pilipenko I. Dinamika zhilishchnogo stroitelstva v respublikakh SSSR v 1920-1980-e gg. *Historical and economic research.* 2022. Vol.23, no.1, pp.7-43. (in Russian)
"Pod znamenem Pobedy – k novym uspekham" (peredovaia statia k 9 maia). *Kazakhstanskaya pravda.* 1977. May 7. (in Russian)
Sailaubay E., Alimgazinov K. Formirovanie pasportnoi sistemy v Karagandinskoi oblasti v 1930-e gody. *Gumilyov Journal of History*. 2025. Vol.152, no.3, pp.186-07, https:/doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3-186-207 (in Russian)
"Sviaz i televidenie na sluzhbe naroda" (peredovaia statia). *Kazakhstanskaya pravda*. 1976. January 28th. (in Russian)
Slezkin Y. *S*SSR kak kommunalnaia kvartira. In: *American Russian studies: Milestones in the historiography of recent years.* The Soviet period. Comp. M. David-Fox. Samara: Samara University. 2001. 376 p. (in Russian)
Fitzpatrick S. *Povsednevnyi stalinizm. Sotsialnaia istoriia sovetskoi Rossii v 30-e gody.* Moscow. 2001. 478 p. (in Russian)
Fuko M. *Nuzhno zashchishchat obshchestvo*. St. Petersburg: Nauka Publ. 2005. 312 p. (in Russian)
Fuko M. *Intellektualy i vlast. Chast 1. Izbrannye politicheskie stati, vystupleniia i interviu 1970-1988.* Moscow: Praxis. 2002. 388 p. (in Russian)
Hall S. Vopros kulturnoi identichnosti. *Art magazine.* 2010. No.77- 78. URL: http:/xz.gif.ru/numbers/77-78/hall/ (in Russian)

Information about authors

Aizhan T. Kapayeva – Doctor of Historical Sciences, Professor, CH.CH. Valikhanov Institute of History and Ethnology of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Shevchenko 28, 050000 Almaty, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0002-1198-0185, kapaeva.59@mail.ru
Saltanat A. Asanova – Candidate of Historical Sciences. CH.CH. Valikhanov Institute of History and Ethnology of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Shevchenko 28, 050000 Almaty, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0002-7077-2298, saltasanova@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет

Айжан Тоқанқызы Қапаева – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің, Шевченко 28, 050000, Алматы, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0002-1198-0185, kapaeva.59@mail.ru

Асанова Салтанат Әмірғалиқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің, Шевченко 28, 050000, Алматы, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0002-7077-2298, saltasanova@gmail.com

Сведения об авторах

Айжан Токановна Капаева – доктор исторических наук, профессор, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Шевченко 28, 050000, Алматы, Казахстан, https://orcid.org/0000-0002-1198-0185, kapaeva.59@mail.ru

Асанова Салтанат Амиргалиевна – кандидат исторических наук, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Шевченко 28, 050000, Алматы, Казахстан, https://orcid.org/0000-0002-7077-2298, saltasanova@gmail.com

Author Contributions

A. Kapayeva – development of the article's concept and methodological framework, collection and analysis of archival sources, writing of several sections. S. Assanova – collection of archival materials, writing and editing of sections of the article.

Авторлардың қосқан үлесі

А. Капаева – мақаланың тұжырымдамасын және әдіснамалық негізін әзірлеу, архивтік дереккөздерді жинау және талдау, жекелеген бөлімдерін жазу. С. Асанова – архивтік материалдарды жинау, мақаланың бөлімдерін жазу және редакциялау.

Вклад авторов

А. Капаева – разработка концепции статьи, методологической базы, сбор и анализ архивных источников, написание некоторых разделов. С. Асанова – сбор архивных материалов, написание и редактирование разделов статьи.,

Disclosure of conflict-of-interest information. The author claims no conflict of interest / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 06.03.2026.
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 17.04.2026.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 07.06.2026.